

84 (2=411.2)6кр

Б 95

Александр Быков

ДВОЙНАЯ ДУЭЛЬ

Рассказы

**Находка
2008**

84(2=411.2)6кр
Б 95

Александр Быков

ДВОЙНАЯ ДУЭЛЬ

Рассказы

-141266-

Находка
Библиотека-2008
г. Находка

ОН ЦБС
г. Находка

ББК 84(2Рос)-44

Б 95

Б 95 А.В. Быков: Двойная дуэль. Рассказы – Находка:

Институт технологии и бизнеса, 2008. – 200 с.

ISBN 5-89694-091-2

Сборник рассказов «Двойная дуэль» – первый в творчестве А.В. Быкова. В него вошли произведения, опубликованные ранее и написанные совсем недавно. Рассказывая о буднях транспортной милиции, автор не увлекается детективными сюжетами, а исследует нравственные проблемы долга, чести, милосердия, сострадания и любви.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ББК 84(2Рос)-44

ISBN 5-89694-091-2

© Быков А.В., 2008

© Институт технологии и бизнеса, 2008

*К 90-летию российского уголовного розыска
сыщикам транспортной милиции
посвящаю*

Автор выражает глубокую признательность и благодарность за активное участие в издании книги, за добрые слова и советы, за моральную, материальную и техническую поддержку членам Союза писателей России Станиславу Кабелеву, Геннадию Фокину, Николаю Тertyшному, президенту литературного клуба «Элегия» Дине Усатой, находкинской поэтессе Юлии Воробьевой, редактору НИЭИ ДВГТУ Евгении Кулешовой и многим другим – тем, кто неравнодушен к литературному творчеству.

«Я ещё не всё рассказал...»
(о прозе Александра Быкова)

Его детективы – лишь манера, приём, поскольку близка по работе в уголовном розыске тема эта, но содержание всегда в них чисто и прозрачно и, прежде всего, о людях. Понятно, что размышляет он в большей мере всегда о человеке, о его внутреннем настрое и психологии. Потому слово у него русское, мягкое, с доброй интонацией, даже если и использует в разговорах «феню», то делает это умеренно, налегая, как всегда, на юмор («Следственный эксперимент», «Резолюция»). Есть в этом его «ментовском» сленге что-то, может быть, довлатовское или чуть платоновское. По крайней мере, смешок, этакая лукавинка в речи, в каламбурах, в уместно вставленных анекдотах, ироничных стихах иногда слышатся явственно и точно по адресу, как в рассказе «Пять соток»: «...сползла на пол грудой сплетения рук и ног», «...склонился над бесформенным ворохом минимума дамского туалета и максимума женского тела».

После чтения «Бочки спирта» понимаю, что к стыду своему мало знаю о его работе сыскаря. Он о моей знает больше (скажет, по должности положено в линейном отделе). Но я, когда читал, вспоминал свои, более семнадцати(!) лет, отработанные в порту. Припомнил многих мужиков, молодых тогда ещё, сильных и здоровых (иных уж нет давно). И ведь, правда, бывало СПИРТное: во втором районе на каботаже коньяк шёл на Се-

вер, а потом на мысу в третьем районе вино сухое в цистернах («море разливанное»). И шахматы (точно!) всегда в бытовке... под задиристое полублатное словцо, под смешки и подзадоривание работяг. И какие-то разборки, действительно, припоминаю в бригадах с органами, перешёптывания, когда все знают, где что плохо лежит, но помалкивают. Всякое бывало, что и подмечено автором. И построен рассказ хорошо, всё на месте. И герои, которых он, несомненно, любит, не выдуманы. Его Федора Шустова, думаю, и сегодня можно встретить запросто в порту и сыграть партейку в шахматы на интерес, только имечко и прозвище у него могут быть другими.

Не в ущерб логике всего повествования он использует дополняющие друг друга на психологическом уровне сюжеты из, казалось бы, абсолютно не связанных между собой историй. Например, в «Азарте», после чтения которого обязательно целиком понимаешь, что совсем не страдает цельность рассказа от перемежающихся историй от первого лица с зимними картинками из детства. По-доброму увлекают своеобразные упражнения в лёгком жанре, где автор говорит о животных, как о людях, и наоборот, но читатель об этом догадывается не сразу, а лишь по ходу повествования понимает, о ком, в сущности, идёт речь («Чаппи», «Басмач»).

Природу пишет мягкими точными мазками: «...За окном была весна. На карнизе балкона о чём-то мирно ворковали голуби. В лужах на асфальте отражалось голубое небо без единого облачка. Только гора Сестра, как всегда, зацепив кусок облака от утреннего тумана, стояла на страже залива», «...Стояла тихая туманная ночь. Пахло морем и талой землёй» («Двойная дуэль»). Сравнения подыскивает приметные с таким любованием: «...девушка откинула назад голову, отправляя за спину тяжёлый водопад чёрных волос» («Азарт»). Есть у него и монологи — долгие, всегда «на взводе», на нервной ноте, чуть потяни и лопнет, но всегда без излишней, несмотря на криминальную среду, ненормативной лексики. Это потому, что относится он по-доброму к своим героям. У него опер разувается, когда входит в комнату, где сейчас будут делать обыск («Двойная дуэль»), а другой тащит на себе раненного после прыжка с поезда

преступника («Азарт»). Здесь реалии жизни – без всякой лакировки и налёта романтики, но тут же – человечность в поступках, навороченный тройной сюжет («Как в кино»), где перемешаны юмор, криминал и бытовуха, о которых он «...ещё не всё рассказал».

В этом и есть он – наш земляк, писатель Александр Быков.

Н. Тертышный, член союза писателей России.

Октябрь 2006 г.

г. Находка

Творчество Александра Быкова не укладывается в обозначенные жанром рамки. Несмотря на то, что заключительная точка в его произведениях всегда поставлена, он оставляет некоторое пространство для переживания и осмысления прочитанного, и эта точка не мешает интуитивно нащупывать что-то важное.

Справедливо будет сказать, что, перечитывая то или иное произведение, мы ищем для себя ответ, ответ на многое. Ведь в каждом из нас заключена сильная личность, но, к сожалению, не всегда раскрытая. И автор нам показывает, что всегда есть возможность проявиться глубинной истинной сути человека. Мне дороже всего в творчестве Александра искра. Искра, в которой, наверное, едины профессионализм, юмор, творчество и стремление дать читателю возможность почувствовать особый пульс, который выявляет много граней такой простой жизни.

Юлия Воробьева, поэтесса.

Быков Александр Валерьевич родился в 1958 г. на прииске Кировский Амурской области. Проживает в г. Находке с 1974 г. После окончания ГПТУ-31 работал на Приморском СРЗ. Служил в ВМФ. После демобилизации работал в ГПТУ-31 мастером производственного обучения. С 1984 г. – служба в уголовном розыске транспортной милиции. Заочно окончил Высшую школу МВД. Майор милиции в отставке. В настоящее время старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин НИЭИ ДВГТУ. Увлечения:

туризм, авторская песня. Пишет стихи, прозу. Первая публикация – стихи и рассказ «Двойная дуэль» в альманахе «Находка», 2000 год. Лауреат конкурса МВД РФ «На страже стальных магистралей» в 2002 г. Публикации: рассказ «Двойная дуэль» в журнале «Милиция» № 7, 2003 г., рассказ «Басмач» в этом же журнале № 10, 2007 г., рассказ «Бочка спирта» в «Литературной России» № 14, 2004 г. Неоднократно печатался в местных изданиях.

Редактор непреклонен:

– Книга свёрстана и готова к печати, нужна биография. Читатель должен знать, кто написал книгу.

– Но есть же биографическая справка. В ней все сказано.

– Справка? Что в ней? Сухие, ничего не говорящие даты. Знаешь, сколько таких биографий?

– ...

– К датам нужны эмоции, чувства, переживания! Читателю нужна жизнь, а не справка.

– ...

Сижу и обречённо смотрю на экран монитора. Иногда даже хочется пнуть эту мирно гудящую железяку.

С чего начать повествование, чтобы читатель не умер от скуки? То ли с начала, то ли с конца, а может, с середины?

За плечами целая жизнь, а что ждёт впереди, известно только Богу. Если он есть! А если его нет? Но что-то, несомненно, есть! Есть то, что движет нами, нашей жизнью, нашими мыслями, нашей судьбой незримо и неосвязаемо. И читателю, наверняка, интересно знать, как же человек приходит к творчеству? Что является определяющим, поворотным моментом в этом смысле? Что заставило или заставляет его братья за перо или кисть, за лямки тугого рюкзака или брать в руки нотную тетрадь? Где она, эта точка отсчета в биографии человека?

КАЖДЫЙ ГЕРОЙ – ГЕРОЙ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Автобиографический очерк на заданную тему

Мне было шестнадцать, когда душный тамбур вагона вытолкнул меня на перрон станции Тихоокеанской в прохладу сентябрьского вечера семьдесят четвертого года теперь уже прошлого века.

В руках гитара, через плечо сумка с минимумом содержимого. Находка была конечным пунктом моего недолгого путешествия.

Зачем я приехал сюда? За романтикой моря? Познать неизведанное? Испытать характер? Вряд ли. Я уехал из родного

дома, чтобы освободиться от родительской опеки, чтобы обрести свободу, которой так недостает пацану в шестнадцать лет. Однако первый год моего пребывания в суетливом городе был наполнен ностальгией по моему, как мне тогда казалось, уютному посёлку, затерянному среди нескончаемой тайги Амурской области. Я часто вспоминал школу и своих друзей. Особенно мне не хватало таёжного простора, к которому привык с раннего детства. Иногда появлялось желание бросить «бурсу» и уехать домой, но что-то сдерживало. Может, как раз то, что называют характером?

Время шло, появились новые друзья, я увлёкся туризмом. Просторы амурской тайги заменило великолепие приморской природы. Приезжая домой на недолгие каникулы, я уже говорил: «У нас в Находке. У нас в Приморском крае».

Я заканчивал третий курс, когда понял, что Находка станет для меня и работой, и домом, и семьёй, и увлечением. В июле семьдесят седьмого я получил диплом с отличием и пошёл на завод.

Я – рабочий! Я работаю в бригаде коммунистического труда.

Я горд своим званием, своей принадлежностью к рабочему классу. Я горд этим званием сознательно. В эпоху развитого социализма – «социализма с человеческим лицом» – это было почётно и весомо.

Всё свободное от работы время посвящено туризму. Пещеры Чандолаза, Беневские и Ворошиловские водопады, сплавы по Сице и Сучану, слёты, фестивали. Именно на фестивале я впервые попробовал писать. Осенью семьдесят седьмого на турслёте я пел свою песню:

Сонно падают листья на землю.

Мне прошедшего лета чуточку жаль.

Зябко клены с берёзами дремлют.

С грустью гляжу в пожелтевшую даль...

Публично я спел её единожды, больше она не звучала ни разу.

На Приморском судоремонтном я проработал до весны следующего года. Повестка из военкомата, стрижка под «ноль» и...

Русский остров. Я матрос весеннего призыва семьдесят восьмого года. Июльский зной. Асфальт плавится. Четыре роты матросов в светло-серой форме рубят строевым. Гюйсы реют синей волной. Команда: «Ре-е-е-еже!» Плац гудит. Кажется, ещё мгновение, и он лопнет от очередного одновременного удара четырёх сотен грубых матросских ботинок. «Песню запе-а-вай!..» И четыреста пацанячьих голосов:

На корабле мы, как на острове, живём.

Куда ни глянешь, всюду море за бортом...

Какой, к чёртовой матери, корабль? Какой борт? Мы на Русском! А вот море, действительно, есть. Оно кругом.

На самом Русском из всех русских островов я вдруг поймал себя на мысли, что тихо ненавижу чаек. Каждый день после обеда они неторопливо слетались к столовской помойке. Жирные, замазученные, лениво дрались из-за жалких матросских объедков с местным вороньём. Я ненавидел их, ненавидел и завидовал им одновременно. Они умели летать, а я не мог. Они были свободны – они были птицы...

Мы до судороги в ногах, до кровавых мозолей рубили плац. Страна учила нас защищать её, любимую, единую и несокрушимую. После трёх-четырёх часов строевых занятий, злые и голодные, мы готовы были удавить кого угодно голыми руками.

30 апреля 1981 года я последний раз отдал честь кормовому флагу корабля, на котором служил, и сошёл на тридцать шестой причал Владивостока.

В каком-то полусне я брёл на вокзал, ещё не осознавая, что промчались, казалось, нескончаемые три года службы. За плечами остались Русский остров, Севастополь, три океана и сколько-то там морей, новый пирс в Техасе, так моряки называют посёлок Тихоокеанский, зыбкая палуба большого противолодочного корабля «Ташкент», низкий подволоок над шконкой, бесконечные тревоги, боевые и учебные, друзья, лица которых стираются в памяти и желтеют на любительских снимках...

Ближе к Находке знакомые пейзажи, летящие за окном электрички, медленно растворяли терпкий ком в горле, и его место занимал текущий в груди адреналин.

Меня ждали. Ждали друзья, ждала та, которая стала женой и матерью моих детей.

Круговерть гражданской жизни времени на раздумья не оставляла, я устроился на работу в городской комитет комсомола на должность комсорга в своё родное тридцать первое училище. С той, которая ждала, мы отремонтировали комнату в общежитии и стали жить. Через пару месяцев матросский клёш заменили простенькие брючки. Медленно, но верно рубашки вытеснили тельняшку.

А жизнь? Кружила! Кроме комсомольской работы, я с головой погрузился в туризм, в авторскую песню. Ходил с «бурсачами» в походы, возил их на фестивали и слеты.

Через год жена обрадовала сыном. А так хотелось дочь. Хотел? Получи! Они были погодками. Все нам завидовали, а мы завидовали сами себе. Почему-то я не помню, чтобы нам было трудно. Некоторые моменты всё-таки припоминаются. Сначала в комиссионку отправилось свадебное платье, на барахолке в толпе растворились зимние сапоги жены. Несколько раз Татьяна закладывала в ломбард бабушкин подарок – перстень. Жить на мои комсомольские сто двадцать девять рублей становилось невозможным, и я перешёл на работу мастером, прибавив к зарплате сорок рублей.

Решение идти в уголовный розыск я принял сразу. Романтика! Какие фильмы показывали в то время? «Рождённая революцией», «Петровка-38», «Огарёва-6», знаменитый телесериал «Следствие ведут знатоки». Это была настоящая мужская работа!

Служба в уголовном розыске, особенно когда хочется научиться работать на уровне, требует многого, практически отречения от личной жизни, от своих интересов. О туризме и песнях забыл. Режим был простой и отточенный. В шесть подъём: детей – по садам, в восемь – на работе. Работа с документами, задержания, допросы, обыски – рутина. Часов в шесть вечера мчался по детским садам, забирал детей. Бежал с ними домой,

кормил, пока не приходила жена, потом садился в электричку, ехал с группой оперативников на станцию Партизанск, где встречал пассажирский поезд, и начиналась работа: вычислить и задержать тех, кто перевозит наркотики. Если не было задержанных, часам к десяти вечера возвращался домой. Были задержанные, пока с ними разберёшься – час ночи. И так, как заведённый, изо дня в день. Летом, особенно осенью и зимой, практически без выходных. На акклиматизацию в уголовном розыске мне понадобилась пара лет.

Дети подрастали. Пошли в школу и видели меня, как правило, рано утром, а иногда и в выходные. Сколько терпения, воли и мужества необходимо иметь жене сыщика? Об этом знает только она. Я могу только догадываться.

Работа продолжалась: бессонные ночи в засадах и рейдах, обыски, допросы, дежурства, командировки и... бесконечный, неиссякаемый поток документов. А ещё контрольные и курсовые: я учился заочно в высшей школе МВД. Кроме этого, вес звёздочек на погонах прибавлял ответственности.

Вспоминая об этом, я не понимаю, как удавалось на протяжении стольких лет держать такой бешеный жизненный ритм. В начале 90-х иногда он ломался дикой попойкой. Начальник звонил жене: «Заберите своего неугомонного! Даю ему пару дней, пусть оклемается». Отсыпался, очищался от спиртового духа, и всё сначала: засады, обыски, допросы...

В 98-м этот ритм был прерван облупленным потолком больничной палаты. Доктора констатировали: «Инфаркт! И, как следствие, стенокардия. Да пара-тройка пустячных побочных заболеваний. Работать можете, но...» Споткнувшись, время замедлило свой бег, стало осязаемым, вязким и мучительно долгим.

По ночам липким потом подкрадывался страх. Страх не за себя, а за ту жизнь, которая останется после. Взять и уйти? И ничего не оставить? Был ты, и нет тебя. Память о тебе сотрётся через пару лет. Через три поколения начнёт угасать и память родных людей.

Я думаю так: каждый должен оставить след для своих потомков. Пусть не яркий, но все же след. Чтобы дети знали: кто они, кто их родители, кто родители родителей, чтобы не были

иванами, не помнящими родства. Вся наша беда – беда многих – заключается именно в том, что мы не знаем, кто мы и откуда, где наши корни и корни наших корней. Мы их просто растеряли на наших необъятных просторах, в нашем выстраданном прошлом.

Мне можно возразить: «Высокие слова! Поскромнее бы?» Да, высокие, нескромные, но так думают многие, жаль, что не говорят об этом.

В ноябре 2000 я ушёл в отставку.

Кого винить, что не на поле брани,
Не в рукопашной, не в атаке огневой
В больное сердце ты смертельно ранен.
А что в награду? Вечность и покой?
За смерть такую не дают нам орденов.
Коротки речи, скомканные в горле,
Залп автоматный, несколько венков,
...и хмурое застолье оперов...

Так, как в этом стихотворении, я не хотел.

Кусочек стихотворения (возможно, полный текст его когда-нибудь будет опубликован) датирован 30.12.2000 г. Написано оно в период тяжелейшей депрессии. Сложно оставаться без работы, которой отдавался весь без остатка. Читатель может возразить: «Очерк назван «Каждый герой – герой своего времени». Да, он так назван! Но зачем тупое и никому не нужное геройство, если человек ещё что-то может сделать доброе и вечное. Возможно, я себя оправдываю? Не знаю...

Выбор у меня был не богат. Стоять на проходной у вертушки и проверять пропуска? Тупо. Адвокатская контора? С умным видом лукавить перед клиентами? Врать себе? Да и ленив я для адвоката. Я решил попробовать преподавать право. Я его знаю не по учебникам, познавал ногами. Есть у оперов хорошая поговорка на этот счет: «Сыщика, пока он молод, кормят ноги, а к закату – голова».

Иногда на лекциях, вспоминая какой-нибудь эпизод своей прежней работы, ловлю себя на мысли, что рассказываю не о себе, а о каком-то постороннем человеке, человеке из другой жизни, которого я знал когда-то. Давно, давно...

И я ещё не всё рассказал о нём, и мне есть, что рассказать...
Жизнь продолжается...

октябрь 2005 г.
г. Находка